Русская антропологическая школа
Институт РГГУ

Константин Бандуровский

«Кто такие мы, которые должны что-то сделать?»

Рецензия на: Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма: 1982-1985. М.: РГГУ, 2008. - 145 с.

Опубликовано в: «Знание-сила», № 7, 2009, С. 115-116.

Жан-Франсуа Лиотар (1924-1998) - один из ведущих представителей философии, осмысливающей ситуацию постмодерна. Тем не менее, его труды известны отечественному читателю меньше, чем работы Фуко, Барта, Деррида, Делеза, даже Славоя Жижека и Алена Бадью. До сих пор у нас были опубликованы только «Состояние постмодерна» и «Хайдеггер и евреи». Самые важные его труды – «Дискурс, фигура» (1971), «Языческие наставления» (1977), «Лишь игры» (1979), «Раздор» («Differend», 1983) , «Лекции по аналитике возвышенного» (1991), еще ждут своего часа.

В такой ситуации выход небольшой книги «Постмодерн в изложении для детей» в переводе Алексея Гараджи и Виктора Лапицкого (письма 2 и 9), изданной институтом «Русская антропологическая школа» (РГГУ) оказывается очень уместным. Книга представляет собой сборник из десяти писем, адресованных детям друзей Лиотара - и может служить удачным введением в его философию, предваряющим знакомство с классическими трудами французского мыслителя.

Заглавие книги может ввести в заблуждение. Однако «для детей» не означает, что книга написана в жанре руководств и гидов «для чайников» или пособий типа «Деррида за 60 минут» для нерадивых студентов. Несмотря на бесхитростность изложения, Лиотар ориентируется на совершенно противоположную категорию читателей.

Концепт «ребенка» занимает в философии Лиотара важное место и предполагает особые стратегии прочтения. «Ребенок» у него – не возрастная категория. Лиотар ищет «детство вне детства», как особое состояние души, которое возможно найти скорее у 35-летнего человека, чем у 18-летнего, и скорее за рамками учебного курса, чем внутри него. Со времен Протагора и Платона детство – чудовище философии, ум, который не дан, а только возможен, который нужно ещё воспитать и преобразовать (особенно такая позиция была сильна в эпоху Просвещения). Для Лиотара же детство актуально. Оно - акт философии, разворачивающийся здесь и сейчас, расположенность «к терпению, анамнезу, необходимости начинать снова». Такое детство преодолевает парадокс воспитания, зафиксированный в третьем тезисе Маркса о Фейербахе: если мы делим общество на воспитуемых и воспитателе, то кто же, в таком случае воспитал воспитателей?

Такая ясность, ориентация на просвещение в подлинном смысле, предохраняет от многих заблуждений и недоразумений, которые связаны с Лиотаром как философом-иррационалистом, пессимистом и циником и с его расхожими концептами – такими, как «постмодерн», «макронарративы» и т.д. Философия Лиотара оказывается вписанной в традицию критического рационализма, прежде всего - Канта, немецкой классической и постклассической философии.

Другое дело, что «детский» взгляд автора позволяет увидеть, что многим современным (в широком смысле) институтам (будь то образованию, науке или политике) очень недостаёт обоснованности и критической продуманности**.** Позволяет он и наметить места для сопротивления как террорам, базирующимся на макронарративах освобождения («больших повествований», повествующих о построении в будущем технологического рая

или коммунистического строя, которые легитимизируют типы власти, существующие в современном обществе), так и тоталитаризмам всех видов, апеллирующим к квазиархаическому истоку, мифам о некотором начале, предках-арийцах, побуждающих потомков к великим свершениям (кстати, и то и другое во многом смыкаются друг с другом в двусмысленной идее «народа»). Равным образом он даёт возможность сопротивляться и капитализму, который для своего воспроизведения нуждается в социальном либерализме, но навязывает необходимость всеобщего обмена, уничтожающего уникальность единичных событий.

Нынешние образование и наука переплетаются с прагматикой, которую навязывает капитализм. Появляется технонаука, описанная Хабермасом, диктующая научному разуму совершенно чуждые ему нормы и цели, что в итоге приводит к упадку науки как призвания. В конце концов общество лишается науки как критического органа. Однако господство субъекта над объектом, даруемое технонаукой, «не сопровождается» - вопреки ожиданиям – «ни большей свободой, ни большей образованностью масс, ни большим или лучше распределенным богатством». Вместе с тем нынешняя наука расшатывает проект современности (согласно которому мир оказывается научно познаваемым человеком, и, таким образом, подпадает под контроль человека), поскольку сам субъект, его нервная система, генетический код, формы организации жизни в сообществе тоже становятся объектом науки. Субъект оказывается имманентным объекту, познание мира становится невозможным без самопознания исследующего его человека, а объект науки обретает язык и разумность, требует интерпретации, схожей с методологией гуманитарных наук, диалога между человеком и природой, что подрывает отношение господства над природой.

Искусство, в свою очередь, утрачивает присущие ему функции зондирования и экспериментирования над реальностью, утрачивающей свою целость. Прежде эти функции ярче всего выражались в авангардных практиках. Сегодня любитель (потребитель) искусства требует «реализма» (балансирующего между академизмом и китчем), то есть - легитимизации того единственного образа мира, который ему удобен, по сути же - фантазма общедоступной и общепонятной реальности. Таким образом, исчезает какая-либо реальность вообще - помимо той, которая является результатом консенсуса платежеспособных партнеров. В этой ситуации практика постмодерна призвана разрабатывать забытый, вытесненный изначальный смысл современности: проект модерна представляет собой невроз, бегство от изначальной расколотости человеческого бытия, от шокирующей встречи с невыразимым Реальным.

Сами слова постмодерн и модерн, особенно при неустоявшейся терминологии, способны внести путаницу. Читая Лиотара, необходимо отличать постмодерн от постмодернизма, слова, веденного в обиход Чарлзом Дженсксом в книге «Язык архитектуры постмодернизма» (1977, переведена на русский язык в 1985 г.). Постмодернизм по Дженсксу представляет собой эклектику, смешение и переворачивание языков (скажем, наскоро сделанное небольшое помещение зала игральных автоматов может иметь мощный фронтон, отсылающий к значимости и официальности, или же вообще здание может располагаться крышей вниз и фундаментом вверх, переворачивая наши представления о верхе и низе). Такая эклектика не противостоит реализму, а продолжает его, предлагая «реализм чего угодно», подобно тому, как капитализм производит все, что нам угодно, любую реальность, если, разумеется, мы платежеспособны. Также не следует смешивать современность и модерн: современность предлагает нам пути в светлое будущее (коммунистической справедливости или капиталистического изобилия) и все события приобретают смысл в этих перспективах. Модерн представляет собой практики, которые ставят под сомнение, испытывают реальность, стремится негативным образом выразить неописуемое. Однако модерн при этом опирается на академические институты письма или изображения. Постмодерн не

следует за модерном, а продолжает критическую направленность модерна, обращая ее не только к «реальность», но и на наши способы и правила ее изображения.

Ситуация постмодерна, описываемая Лиотаром, включает в себя различные перспективы, как довольно мрачные, так и дающие надежду. Лиотар ставит вопросы: «что мы должны в этой ситуации делать» и «кто такие эти “мы”?». Однако, подобно Сократу, он не дает на них ответов. Он стремится скорее привлечь читателя к обсуждению. Именно читателю в конечном итоге предстоит найти множественные и разнообразные очаги сопротивления современным тотальным проектам, уничтожающей частные, уникальные событие. И задача автора – помочь нам в этом.

© Русская антропологическая школа, 2009